В. ПОРЖЕЗИНСКІЙ.

Филиппъ Ѳедоровичъ Фортунатовъ.

Печатня А.И.Снегиревой Москва.
1914.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
457
54

Оттискъ изъ отчета Императорскаго Московскаго Университета за 1914 г.

Филиппъ Ѳедоровичъ Фортунатовъ.

Небогата была жизнь Ф. Ѳ Фортунатова внѣшними событіями, но внутреннее ея содержаніе настолько значительно, и настолько важны результаты его дѣятельности, что онъ безъ колебанія долженъ быть причисленъ къ наиболѣе славнымъ питомцамъ Московскаго университета, въ который онъ вступилъ шестнадцатилѣтнимъ юношей въ 1864 г., и каѳедру котораго онъ покинулъ въ 1902 г. послѣ тридцатилѣтняго славнаго служенія родной almae matri для того, чтобы занять штатное кресло въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ Уроженецъ сѣвернаго края (род. 2-го января 1848 г. въ Вологдѣ) онъ значительную часть дѣтства, начиная съ четырехлѣтняго возраста, провелъ въ Петрозаводскѣ, куда отецъ его, бывшій въ Вологдѣ инспекторомъ губернской гимназіи [1]), былъ переведенъ директоромъ народныхъ училищъ (и мѣстной губернской

[1]) Ѳедоръ Николаевичъ Фортунатовъ (1814—1872) былъ воспитанникомъ Вологодской гимназіи (кончилъ курсъ 13 лѣтъ), гдѣ его отецъ (Николай Петровичъ) былъ преподавателемъ математики, и Петроградскаго университета, который онъ окончилъ въ 1833 г. со степенью кандидата. Мечты объ ученой карьерѣ по филологіи пришлось оставить въ связи съ заботами, выпавшими на его долю послѣ смерти отъ холеры отца и матери, но, ставъ учителемъ Вологодской гимназіи, онъ находилъ время для научно-литературной дѣятельности, для работъ въ мѣстномъ статистическомъ комитетѣ и въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, редакторомъ которыхъ онъ сталъ въ 1838 г. Ѳ. Н. печаталъ статьи и во время пребыванія въ Петрозаводскѣ, и живя въ отставкѣ въ Москвѣ. Подробнѣе см. въ моемъ некрологѣ Ф. Ѳ. Фортунатова, помѣщенномъ въ Ж. М. Н. Пр. за 1914 г. (декабрь).

гимназіи) въ 1852 году Здѣсь же Ф Ѳ. проходилъ гимназическій курсъ ученія, который однако докончилъ уже въ Москвѣ (во 2-ой гимназіи) въ 1864 г, куда переселился его отецъ по выходѣ въ отставку въ 1863 г Красоты озернаго края глубоко запали въ душу Ф. Ѳ и онъ, будучи уже ученымъ съ міровымъ именемъ, пріѣзжалъ сюда, начиная съ 1894 г, сначала изъ Москвы, а затѣмъ изъ Петрограда и проводилъ лѣтнее каникулярное время въ д. Косолмѣ Петрозаводскаго у (въ 32 верстахъ отъ города), лежащей между двухъ озеръ въ нѣсколько суровой, но дивно красивой мѣстности. Съ большою любовью и съ большимъ пониманіемъ природы описывалъ онъ этотъ уголокъ, въ жизнь котораго онъ вмѣстѣ съ своею женою Юліей Ивановной вносилъ много свѣтлаго и добраго, являясь для мѣстныхъ жителей не просто лѣтнимъ гостемъ, но и любимымъ и уважаемымъ патріархомъ-покровителемъ.

Въ теченіе университетскаго курса (1864—1868 г.) Ф. Ѳ пріобрѣлъ уже весьма солидныя познанія въ области языковѣдѣнія, а занимался онъ имъ вообще самостоятельно, такъ какъ въ то время въ Московскомъ университетѣ эта наука не преподавалась спеціалистомъ. Каѳедра сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, замѣнившая собою по уставу 1863 г. каѳедру восточной словесности (а) языки арабскій, турецкій и персидскій; b) языки монгольскій и татарскій), существовавшую съ 1835 г. и смѣнившую въ свою очередь каѳедру восточныхъ языковъ устава 1804 г, была, правда, замѣщена проф. П Я. Петровымъ (до 26-го мая 1875 г), и кромѣ того въ званіи доцента на ней числился А. Л. Дювернуа (съ 9-го сент. 1867 г. до 10-го янв. 1869 г.), перешедшій вскорѣ на каѳедру славянской филологіи, къ которой онъ собственно и готовился Однако, П. Я. Петровъ, хорошій знатокъ санскрита, обладавшій большою начитанностью въ произведеніяхъ на этомъ послѣднемъ, не интересовался совершенно ни Ведами, ни сравнительной грамматикой индоевропейскихъ языковъ, какъ предметами, требующими

специальнаго изученія и специальныхъ познаній. Его экскурсы въ эту область носили случайный и анекдотичный характеръ. Что касается А Л. Дювернуа, то и онъ не былъ специально подготовленъ къ преподаванію сравнительнаго языковѣдѣнія, и его появленіе въ качествѣ доцента на этой каѳедрѣ объясняется особыми условіями, первопричина которыхъ—ревнивое отношеніе О М Бодянскаго къ занимаемой имъ каѳедрѣ славянской филологіи. Такимъ образомъ, систематическаго преподаванія языковѣдѣнія въ студенческіе годы Ф. Ѳ не существовало. Ѳ. И Буслаевъ къ тому времени успѣлъ значительно охладѣть къ историческому изученію русскаго языка, которому онъ отдалъ вдохновеніе и увлеченіе своихъ молодыхъ лѣтъ Ѳ. Е. Коршъ начиналъ свою преподавательскую дѣятельность какъ разъ въ то время, когда Ф. Ѳ. кончалъ уже курсъ, да и познакомились они гораздо позже, по возвращеніи Ф. Ѳ изъ заграничной командировки. Нѣсколько знакомилъ студентовъ съ выводами сравнительноисторическаго изученія греческаго языка проф. Пѣховскій на своихъ лекціяхъ по греческой словесности, но это, понятно, не могло замѣнить планомѣрнаго преподаванія языковѣдѣнія тѣмъ болѣе, что почтенный эллинистъ самъ не очень глубоко проникъ въ эту науку и пересказывалъ студентамъ преимущественно труды Бенфея

Университетскій курсъ кончилъ Ф Ѳ. въ 1868 г. первымъ кандидатомъ и по предложенію П. Я. Петрова былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорской дѣятельности по каѳедрѣ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, съ содержаніемъ 400 р. въ годъ изъ суммы сбора за слушаніе лекцій. Магистерскіе экзамены (устные) были сданы въ 1871 г. (прошеніе Ф. Ѳ. о желаніи приступить къ этимъ экзаменамъ носитъ дату отъ 15-го февраля 1871 г.), и въ томъ же году состоялся приказъ (12-го октября 1871 г.) о командированіи на два года за границу съ казеннымъ содержаніемъ (съ 1-го октября 1871 г.) Отчетъ о занятіяхъ въ теченіе этой коман-

дировки напечатанъ въ Отчетѣ И М У. за 1874 г. въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются занятій во второй половинѣ 1872 г. и въ 1873 г. до конца командировки (отчетъ о послѣднихъ трехъ мѣсяцахъ помѣченъ 16-мъ октября и отправленъ въ министерство уже изъ Москвы) Главнымъ объектомъ работы былъ древнеиндійскій языкъ въ его памятникахъ: въ Тюбингенѣ Ф Ѳ. занимался Ведами подъ руководствомъ лучшаго въ то время знатока этого отдѣла древнеиндійской литературы проф Рота (тутъ же онъ занимался и Авестою); такъ какъ число участниковъ спеціальныхъ занятій Ведами было невелико, то происходили они на дому у проф. Рота, какъ объ этомъ мнѣ разсказывалъ Ф Ѳ. Въ Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ онъ работалъ въ библіотекахъ, изучая и списывая древнеиндійскія рукописи (ведійскія въ широкомъ смыслѣ этого термина и санскритскія). Что касается занятій литовскимъ языкомъ, то Ф. Ѳ, изучившій этотъ языкъ основательно еще въ Москвѣ (отчасти при помощи студента-литовца г. Батыра) и совершившій лѣтомъ 1871 г поѣздку въ Сувалкскую губернію, гдѣ вмѣстѣ съ Вс Ѳ Миллеромъ записывалъ пѣсни и сказки, въ бытность за границей естественно долженъ былъ интересоваться литовскими старопечатными книгами и рукописями въ Кенигсбергѣ; здѣсь состоялось личное знакомство съ извѣстнымъ знатокомъ родного языка Куршатомъ. Кромѣ Рота, у котораго Ф. Ѳ. занимался регулярно, ему пришлось посѣщать лекціи и занятія Вебера и Эбеля въ Берлинѣ, Курціуса и Лескина въ Лейпцигѣ, Бреаля и Бергеня въ Парижѣ.

Матеріалъ для магистерской диссертаціи былъ собранъ во время заграничной командировки, но написана она была уже въ Москвѣ. На стр. 1—180 мы находимъ изданіе части текста Самаведы (Āraṇyaka), съ введеніемъ, переводомъ на русскій языкъ и обширнымъ комментаріемъ, въ приложеніи же (1—67 стр.) напечатаны „Нѣсколько страницъ изъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ“. Внѣшняя судьба этой книги была печальна: авторъ успѣлъ получить лишь около

ста экземпляровъ, остальное количество пропало вслѣдствіе банкротства типографіи, гдѣ печаталась диссертація.

Однако, диссертація, увидѣвшая свѣтъ въ 1875 г и въ томъ же году доставившая автору степень магистра сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ послѣ диспута 6-го октября, не была первымъ трудомъ Ф Ѳ. Въ 1872 г. на страницахъ „Извѣстій Московскаго Университета“, прекратившихъ свое существованіе въ теченіе этого года, появились „Литовскія народныя пѣсни“, собранныя Ф Фортунатовымъ и Всев Миллеромъ. Въ этотъ сборникъ, вмѣстившій только 100 пѣсенъ съ переводомъ ихъ на русскій языкъ, вошелъ не весь матеріалъ, напр, остались ненапечатанными всѣ сказки. Произошло это вслѣдствіе прекращенія упомянутаго изданія. Сборнику предпосланъ очеркъ „О людвиновскомъ нарѣчіи“, принадлежащій Ф. Ѳ. Фортунатову (въ его бумагахъ сохранился рукописный оригиналъ), тогда какъ заключительная статья „Синтаксическія замѣчанія“ написана Вс. Ѳ. Миллеромъ и помѣчена его иниціалами. Транскрипція звуковъ литовскаго языка русскими буквами вмѣсто примѣняемаго самими литовцами латинскаго алфавита явилась вслѣдствіе требованія редактора изданія. По точности записи (авторы собранія не имѣли, однако, въ виду фонетической транскрипціи) это одинъ изъ лучшихъ сборниковъ литовскихъ пѣсенъ, а это имѣло, конечно, особое значеніе сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ, когда литература этого рода была довольно скудна Къ сожалѣнію, небольшое количество экземпляровъ официальнаго изданія (350) и отдѣльныхъ оттисковъ (50) сдѣлали упомянутый сборникъ большою рѣдкостью, мало доступною даже для большихъ библіотекъ и собраній.

Послѣ защиты магистерской диссертаціи, о которой было сказано выше, Ф. Ѳ былъ избранъ доцентомъ по каѳедрѣ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ единогласно какъ въ факультетѣ, такъ и въ совѣтѣ. Соотвѣтственное предложеніе было внесено въ факультетъ Ѳ Е. Коршемъ, его поддержали Ѳ. И. Буслаевъ, Н С. Тихонра-

вовъ, В И. Герье и К. К Герцъ Съ 22-го ноября 1875 г.. дня избранія въ совѣтѣ университета, куда дѣло поступило 12-го ноября, Ф. Ѳ. сталъ представителемъ каѳедры, на которой онъ былъ первымъ спеціалистомъ и которую онъ быстро прославилъ Первую лекцію онъ прочелъ 22-го января 1876 г. (четвергъ) въ 10 ч утра

Дальнѣйшее теченіе профессорской службы Ф. Ѳ опредѣляется слѣдующими датами Докторскую степень honoris causa онъ получилъ въ 1884 г отъ университетовъ Св Владиміра и Московскаго (въ совѣтѣ университета Св. Владиміра баллотировка состоялась 11-го мая 1884 г, но соотвѣтственное постановленіе было оглашено на юбилейномъ актѣ 8-го сентября того же года; въ Москвѣ соотвѣтственное дѣло началось въ факультетѣ 26-го апрѣля 1884 г, въ совѣтѣ было утверждено 12-го мая того же года; подлежащія предложенія [1]) были внесены: въ Кіевѣ, насколько мнѣ извѣстно, А И Соболевскимъ, въ Москвѣ—Вс Ѳ. Миллеромъ Экстраординарнымъ профессоромъ Ф. Ѳ. былъ назначенъ съ 1-го ноября 1884 (по уставу этого года каѳедра называлась уже каѳедрою сравнительнаго языковѣдѣнія и санскритскаго языка), ординарнымъ профессоромъ съ 11-го декабря 1886 г., съ 18-го

---

[1]) Представленіе историко-филологическаго факультета университета св Владиміра о почетныхъ ученыхъ званіяхъ, которыя предполагались къ присужденію въ связи съ юбилеемъ, гласитъ въ соотвѣтственной части слѣдующее: „Что же касается до возведенія въ почетные доктора, то, по мнѣнію факультета, дипломы honoris causa могутъ быть присуждены частію иностраннымъ ученымъ ..., частію русскимъ, которые успѣли выдвинуться своими учеными произведеніями и талантливостію, какимъ факультетъ считаетъ профессора Московскаго Университета Ф. Фортунатова". (Протоколъ засѣданія Совѣта 11-го мая, см. Универс. Извѣстія 1914 г., № 7, стр. 300). Представленіе московскаго историко-филологическаго факультета составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Историко-филологическій факультетъ ходатайствуетъ передъ совѣтомъ о возведеніи доцента Фортунатова въ степень доктора сравнительнаго языковѣдѣнія honoris causa въ виду высокаго научнаго значенія трудовъ согласно представленія доцента Миллера".

іюня 1897 г. оставленъ на пять лѣтъ по выслугѣ 25 лѣтъ, наконецъ, съ 22-го ноября 1900 г утвержденъ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ. Преподавательскую дѣятельность, продолжавшуюся безъ перерыва съ 22-го января 1876 г., Ф. Ѳ. закончилъ въ маѣ 1902 г, когда переѣхалъ въ Петроградъ, занявъ съ 1-го іюля того же года штатное академическое кресло въ званіи ординарнаго академика по Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (приказъ состоялся 9-го марта). Посвятивъ себя всецѣло научной и профессорской работѣ, Ф. Ѳ. въ молодые годы короткое время (1874—1876 г.) былъ преподавателемъ греческаго языка въ частной гимназіи Ф. И. Креймана, гдѣ читалъ съ учениками Гомера, при чемъ остальныя занятія по греческому языку въ томъ же классѣ велъ А. Н Шварцъ, товарищъ Ф Ѳ по университетскому выпуску.

Осенью 1902 г. въ Петроградѣ былъ отпразднованъ (21-го октября) юбилей тридцатилѣтней ученой и преподавательской дѣятельности Ф Ѳ., при чемъ его ученики и почитатели поднесли ему „Сборникъ статей“, вышедшій въ видѣ отдѣльнаго оттиска изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“. Здѣсь на 720 стр., открывающихся портретомъ юбиляра, помѣщены 34 статьи русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Въ томъ же году 25 октября въ совѣтѣ Московскаго университета состоялось избраніе Ф Ѳ въ почетные члены университета Этимъ актомъ были отмѣчены выдающіяся заслуги Ф. Ѳ. передъ роднымъ университетомъ и наукою [1]).

Таковы важнѣйшія даты небогатой внѣшними событіями, но полной глубокаго внутренняго содержанія и значенія жизни Ф Ѳ въ Москвѣ. Съ переѣздомъ въ Петроградъ онъ исполнялъ обязанности академика съ тою же рѣдкою добросовѣстностью и полнымъ забвеніемъ своихъ личныхъ интересовъ,

---

[1]) Привожу наиболѣе существенныя части изъ соотвѣтственнаго представленія, внесеннаго въ факультетъ М. М. Покровскимъ 25-го сентября, въ приложеніи 1.

съ какими онъ несъ свои обязанности по университетской каѳедрѣ Надежды близкихъ къ нему лицъ, что въ новой обстановкѣ у него будетъ больше досуга для собственной научной работы, не оправдались Слишкомъ много времени поглощали редакторскія обязанности, а Ф. Ѳ. былъ незауряднымъ редакторомъ тѣхъ академическихъ изданій, которыя печатались подъ его наблюденіемъ. Онъ не только тщательнѣйшимъ образомъ читалъ рядъ корректуръ, не пропуская вообще ни одной мелочи, но и весьма внимательно относился къ оригиналу, всемѣрно содѣйствуя, въ нужныхъ случаяхъ, его улучшенію Со свойственною ему деликатностью онъ исправлялъ самъ только прямыя ошибки и описки авторовъ (напр , въ знакахъ греческаго ударенія, въ цитатахъ и т п), о всѣхъ же измѣненіяхъ по существу (если не имѣлъ специальной просьбы объ этомъ) онъ велъ иногда очень длинную и сложную переписку Ближайшіе къ Ф. Ѳ. ученики не разъ печаловались на все это, понимая, какъ драгоцѣнно свободное время ихъ учителя, которое онъ могъ бы всецѣло посвятить собственному научному творчеству и обработкѣ къ печати своихъ курсовъ Была, однако, и другая, внутренняя причина того обстоятельства, что Ф Ѳ сравнительно рѣдко выступалъ въ печати. это его чрезмѣрная требовательность къ себѣ. Съ одной стороны, малѣйшее сомнѣніе въ какой-нибудь детали заставляло его откладывать опубликованіе вообще готовыхъ уже работъ, а, съ другой стороны, его творческая мысль никогда не переставала работать, и, постоянно идя впередъ, онъ нерѣдко измѣнялъ свои взгляды на нѣкоторые вопросы въ болѣе раннихъ частяхъ своихъ болѣе крупныхъ трудовъ. Такъ остановилось на 16 листахъ изданіе курса старославянской фонетики, такъ не двинулось дальше 10 листа предпринятое уже въ Петроградѣ изданіе лекцій по сравнительной фонетикѣ

Тѣмъ не менѣе и то, что Ф Ѳ. самъ опубликовалъ въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ, представляетъ богатое наслѣдіе, хотя непосредственные его ученики хорошо знаютъ, какая

это собственно малая часть всего, что зналъ ихъ учитель, и къ чему онъ пришелъ Значительная доля этого заключается въ его университетскихъ курсахъ

Общій обзоръ печатныхъ трудовъ Ф Ѳ и общая ихъ характеристика даны мною въ некрологѣ. помѣщенномъ въ журналѣ Мин Нар. Просв за декабрь 1914 г. Тамъ же можно найти подробный библіографическій ихъ перечень по годамъ появленія въ свѣтъ Поэтому я не возвращаюсь къ тому, что мною уже сказано, и въ настоящее время остановлюсь подробно на дѣятельности Ф. Ѳ. въ качествѣ профессора на каѳедрѣ московскаго университета. Въ теченіе $26^1/_2$ учебныхъ годовъ продолжалась она фактически безъ перерыва, и за этотъ періодъ былъ прочтенъ длинный рядъ курсовъ общихъ и спеціальныхъ, сложилась крупная лингвистическая школа, и создалась бо́льшая часть печатныхъ трудовъ самого ея основателя. При поразительной скромности Ф Ѳ, при полномъ отсутствіи у него чего-либо похожаго на стремленіе къ извѣстности и славѣ, многія стороны его профессорской дѣятельности знаютъ непосредственно только ближайшіе его ученики и друзья, и я спѣшу закрѣпить въ печати все, что имѣетъ значеніе, такъ какъ кое-какая деталь можетъ со временемъ исчезнуть изъ памяти, да и нельзя быть увѣреннымъ, насколько удастся сдѣлать это въ будущемъ. Позволю себѣ отмѣтить, что непосредственнымъ слушателемъ Ф Ѳ я былъ начиная съ осени 1888 г., когда поступилъ въ университетъ, до конца весенняго семестра 1896 г., но и послѣ этого вся дѣятельность Ф. Ѳ мнѣ непосредственно хорошо извѣстна изъ постояннаго и близкаго съ нимъ общенія. О времени до осени 1888 г. я располагаю свѣдѣніями, почерпнутыми изъ разсказовъ самого Ф Ѳ., старшихъ его учениковъ, наконецъ кое-что сохранилось и въ официальныхъ источникахъ.

До 1877 г. Ф. Ѳ. былъ единственнымъ штатнымъ преподавателемъ по занимаемой имъ каѳедрѣ, но съ осенняго семестра названнаго года началъ свою дѣятельность Вс. Ѳ. Мил-

леръ, утвержденный доцентомъ съ 5-го марта того же года Элементарный курсъ санскрита перешелъ съ этого времени къ товарищу Ф Ѳ, но занятія съ продолжающими, которые начали изучать санскритъ въ минувшемъ учебномъ году, въ 1877—1878 г. велъ самъ Ф Ѳ Въ дальнѣйшемъ ему уже не приходилось читать этихъ курсовъ, такъ какъ преподаваніе санскрита и древнеиранскихъ языковъ входило въ кругъ профессорскихъ обязанностей Вс Ѳ Миллера, который продолжалъ эту дѣятельность и послѣ перехода на каѳедру русскаго языка и словесности вплоть до весенняго семестра 1903 г включительно Въ числѣ первыхъ слушателей Ф. Ѳ, выдѣлявшихся своими занятіями древнеиндійскимъ языкомъ, былъ В Е Якушкинъ, перешедшій вскорѣ всецѣло на русскую исторію. Впослѣдствіи онъ вспоминалъ всегда съ удовольствіемъ и признательностью объ этомъ періодѣ своихъ университетскихъ лѣтъ и, сохранивъ съ Ф Ѳ. самыя лучшія отношенія, былъ частымъ посѣтителемъ его четвергов. Далѣе изъ первыхъ его слушателей нужно отмѣтить Ѳ. В Бремера и Г. К Ульянова, кончившихъ университетъ въ 1881 г и бывшихъ первыми слушателями Ф Ѳ., оставленными имъ при университетѣ по языковѣдѣнію. Ѳ. В Бремеръ, подававшій большія надежды, долженъ былъ, къ сожалѣнію, отказаться отъ мысли объ ученой дѣятельности по семейнымъ обстоятельствамъ; сосредоточился онъ на преподаваніи латинскаго языка въ московскихъ гимназіяхъ, веденномъ имъ съ большимъ талантомъ (незадолго до смерти, послѣдовавшей въ 1901 г., его назначили инспекторомъ гимназіи въ Сергіевскомъ посадѣ). Г. К Ульяновъ, скончавшійся въ 1912 г, былъ съ 1888 г. по 1904 г. профессоромъ Варшавскаго университета по каѳедрѣ сравнительной грамматики славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ, соотвѣтствующей каѳедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и санскритскаго языка другихъ университетовъ. Своею ученою дѣятельностью онъ составилъ себѣ крупное имя въ наукѣ, но, послѣ перехода на административныя должности, ему

удавалось работать въ области языкознанія только урывками

Преподавательская дѣятельность Ф Ѳ. послѣ того, какъ съ него были снята обязанность вести занятія по древнеиндійскому языку, сосредоточилась на общихъ и спеціальныхъ курсахъ по языковѣдѣнію. Имъ читался общій курсъ языкознанія, посвященный основнымъ проблемамъ науки о языкѣ и распадавшійся на двѣ главныя части (общее понятіе о языковѣдѣніи и его методахъ, генеалогическая классификація языковъ и физіологія звуковъ рѣчи составляли первую половину, тогда какъ вторая посвящалась обзору психологической стороны фактовъ языка и обзору ихъ измѣненій). Иногда этотъ курсъ читался не отдѣльно, а въ видѣ введенія къ курсу сравнительной фонетики: регулярно приходилось поступать такимъ образомъ въ эпоху полнаго дѣйствія учебныхъ плановъ 1884 г., отводившихъ обязательному для группы А сравнительному языковѣдѣнію только 2 часа въ годъ и притомъ на 1 и 2 семестрахъ; съ 1890 г. факультетъ сталъ переходить на измѣненные учебные планы, по которымъ классическая филологія, обязательная раньше въ одинаковой мѣрѣ для обѣихъ группъ А (словесной) и В (исторической), была выдѣлена въ особую группу, а словесная и историческая группы, имѣвшія раньше только 4 часа въ недѣлю изъ обязательныхъ 18 на свои спеціальные предметы, получили возможность раздвинуть рамки преподаванія; первые два курса были общими для всѣхъ трехъ отдѣленій и посвящались общимъ предметамъ; съ того времени общій курсъ языковѣдѣнія снова сталъ особымъ курсомъ. Далѣе Ф. Ѳ. читалъ курсы по сравнительной фонетикѣ и морфологіи индоевропейскихъ языковъ, при чемъ въ упомянутую мною эпоху дѣйствія учебныхъ плановъ 1884 г. отдѣльные три курса (фонетика, склоненіе и спряженіе) должны были сливаться въ одинъ съ присоединеніемъ общей части. Естественно, что при 2 часахъ въ недѣлю приходилось сокращать и урѣзывать весьма многое, при чемъ два основные

отдѣла морфологіи должны были чередоваться черезъ годъ До этого, а также послѣ перехода на измѣненные учебные планы, фонетика и морфологія читались отдѣльно съ правильнымъ годичнымъ чередованіемъ склоненія и спряженія

Въ своихъ курсахъ по сравнительной грамматикѣ Ф Ѳ. останавливался на фактахъ только четырехъ языковъ древнеиндійскаго, греческаго, латинскаго и старославянскаго, исходя изъ того вполнѣ правильнаго соображенія, что нельзя приступать къ изученію сравнительной грамматики тѣхъ или другихъ языковъ, не зная этихъ послѣднихъ фактически. И самъ Ф. Ѳ. строго держался этого принципа, и своимъ ученикамъ, будущимъ преподавателямъ по его каѳедрѣ, онъ внушилъ тотъ же взглядъ на задачи академическаго преподаванія этой сложной науки Правда, до учебныхъ плановъ 1884 г и начиная съ 1906—07 г.[1]) санскритъ не былъ общеобязательнымъ для словесниковъ и классиковъ предметомъ, но необязательные курсы по этому языку, знаніе элементовъ котораго существенно необходимо для сравнительной грамматики, осуществлялись регулярно, по крайней мѣрѣ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ всегда былъ и есть теперь достаточный контингентъ добросовѣстно изучающихъ санскритъ слушателей. Помимо этого, естественно, что факты даннаго языка вводятся въ курсъ сравнительной грамматики въ латинской транскрипціи и съ надлежащими разъясненіями. Большой педагогическій тактъ Ф. Ѳ. сказывался далѣе въ выборѣ матеріала для обязательныхъ курсовъ въ предѣлахъ указанныхъ четырехъ языковъ. Не загромождая изложенія второстепенными деталями и подробностями, онъ останавливалъ вниманіе на важнѣйшихъ фактахъ, а всякій, кто хотя

---

[1]) Съ этого года была введена въ Московскомъ университетѣ предметная система преподаванія, по которой существовало особое лингвистическое отдѣленіе съ обязательнымъ изученіемъ санскрита; это отдѣленіе упразднено министерствомъ по случаю введенія новыхъ плановъ (окончательная ликвидація лингвистическаго отдѣленія наступила въ 1913 г.).

бы нѣсколько знакомъ съ сравнительной грамматикой индоевропейскихъ языковъ, знаетъ, какое огромное количество матеріала она обнимаетъ, если даже ограничиваться древнѣйшими представителями отдѣльныхъ вѣтвей въ ихъ древнѣйшихъ притомъ эпохахъ. Не загромождалъ онъ своихъ курсовъ и библіографическими указаніями, охотно сообщая нужныя свѣдѣнія обращавшимся къ нему за разъясненіями по этому поводу

Что касается спеціальныхъ курсовъ и занятій, то сюда принадлежатъ курсы языковъ старославянскаго, литовскаго и готскаго, а также семинаріи по языковѣдѣнію. Первый изъ названныхъ курсовъ обнималъ исторію звуковъ старославянскаго языка и былъ начатъ печатаніемъ въ 1888 г. въ „Ученыхъ Запискахъ Историко-Филологическаго Факультета“, но въ 1893 г наступилъ, по отпечатаніи 16-го листа, долговременный перерывъ; въ результатѣ этотъ перерывъ обратился въ полное прекращеніе печатанія, частью по той причинѣ, что за долгій періодъ времени существенно измѣнились взгляды Ф. Ѳ на многіе вопросы, и потому было бы необходимо перепечатать извѣстные отдѣлы. Эта мысль горячо поддерживалась ближайшими учениками, но осуществленія не получила, а отпечатанные уже листы при переходѣ университетской типографіи къ новому арендатору были уничтожены; осталось только нѣсколько экземпляровъ корректурныхъ и чистыхъ оттисковъ, которые были на рукахъ у нѣкоторыхъ учениковъ Ф. Ѳ. Кстати долженъ категорически опровергнуть извѣстіе, встрѣчающееся въ печати, будто этотъ курсъ печатался за границей въ нѣмецкомъ переводѣ Э. Бернекера. Какъ одинъ изъ участниковъ соотвѣтственнаго плана, возникшаго зимою 1895—96 г., когда Э Бернекеръ гостилъ въ Москвѣ, посѣщая лекціи Ф. Ѳ. и регулярно бывая у него по четвергамъ, могу засвидѣтельствовать, что дѣло не пошло дальше предположеній, хотя книгопродавецъ, съ которымъ вступили въ предварительные переговоры, поспѣшилъ объявить о готовящемся новомъ изданіи (это объя-

вленіе повторялось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ). Сама мысль возникла у насъ въ связи съ предполагавшимся переизданіемъ части напечатаннаго уже текста и съ надеждами на скорое окончаніе изданія

Курсы готскаго и литовскаго языковъ велись Ф. Ѳ. слѣдующимъ образомъ: послѣ вводныхъ лекцій (общее введеніе, алфавитъ и т. д.) слушателямъ рекомендовалось ознакомиться самостоятельно съ основными парадигмами склоненія и спряженія, а затѣмъ параллельно съ непрерывно продолжавшимся чтеніемъ самихъ лекцій часть времени отводилась разбору памятниковъ при непремѣнномъ активномъ участіи самихъ слушателей, готовившихся дома къ соотвѣтственнымъ текстамъ. Занятія готскимъ языкомъ продолжались не болѣе года, и хотя теоретическій курсъ исторической грамматики по недостатку времени не продвигался обыкновенно дальше склоненія, тѣмъ не менѣе, благодаря тому, что многіе факты спряженія (напр , образованіе основъ производныхъ глаголовъ) разсматривались въ фонетикѣ, а затѣмъ служили предметомъ подробнаго обсужденія при разборѣ текстовъ, въ результатѣ получался полный сводъ свѣдѣній и по этому отдѣлу морфологіи, равно какъ и по другимъ вопросамъ, возникающимъ при изученіи готскаго языка, которые не служили непосредственно темами лекцій. Что касается литовскаго языка, то въ мое время эти занятія продолжались два года, въ теченіе которыхъ мы получали основательныя знанія діалектологіи и исторіи этого языка, подкрѣпляемыя чтеніемъ и разборомъ образцовъ различныхъ нарѣчій. Этотъ курсъ представляетъ исключительную научную цѣнность, потому что Ф. Ѳ. не имѣлъ себѣ равнаго по этой части: онъ зналъ діалекты литовскаго языка, съ одной стороны, путемъ непосредственнаго изученія (на мѣстѣ въ Сувалкской губ. и въ Москвѣ при помощи студентовъ-литовцевъ, уроженцевъ различныхъ уголковъ Литвы), а, съ другой стороны, на основаніи глубокаго и тщательнаго изслѣдованія всей діалектологической литературы вплоть до

рѣдчайшихъ провинціальныхъ изданій и спеціально для него дѣлавшихся записей, затѣмъ при изложеніи исторіи фактовъ литовскаго языка Ф. Ѳ. приходилось подробно останавливаться на тѣхъ вопросахъ, по которымъ такъ цѣнны и важны его открытія и мысли, извѣстныя въ печати лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ; это прежде всего вопросы объ удареніи и количествѣ въ литовскомъ и другихъ родственныхъ языкахъ и вопросы объ явленіяхъ конца слова въ литовскомъ языкѣ. Въ 1897 г. на стр „Русскаго Филологическаго Вѣстника" мною начато было печатаніе этого курса по моимъ запискамъ, просмотрѣннымъ и исправленнымъ Ф. Ѳ., но и это предпріятіе не двинулось впередъ изъ-за большихъ задержекъ въ этой редакторской работѣ.

Мнѣ остается сказать еще о ходѣ спеціальныхъ семинарскихъ занятій, назначавшихся Ф. Ѳ. очень рѣдко, если не ошибаюсь, всего два раза, въ зависимости отъ состава слушателей. Это не должно удивлять, такъ какъ другіе его курсы носили въ извѣстной части практическій характеръ съ непремѣннымъ активнымъ проявленіемъ себя самихъ ихъ участниковъ: при исключительно теоретическомъ характерѣ курса Ф. Ѳ. нерѣдко, особенно въ послѣдніе годы, бесѣдовалъ съ аудиторіей, вызывая ее на вопросы и отвѣты. Спеціальный семинарій, въ которомъ участвовалъ пишущій эти строки на 2-мъ курсѣ, состоялъ въ чтеніи и лингвистическомъ разборѣ Иліады Гомера, латинскихъ надписей и старославянскихъ текстовъ (главнымъ образомъ Саввинои книги) До меня былъ семинарій съ участіемъ А. А Шахматова, который познакомился съ Ф. Ѳ. еще гимназистомъ и былъ крупнымъ ученымъ задолго до окончанія университета

Общими свойствами всѣхъ курсовъ Ф. Ѳ, равно какъ и вообще всего его научнаго творчества, были поразительная точность въ опредѣленіи самихъ фактовъ, служившихъ матеріаломъ для изслѣдованія, необычайная глубина анализа и острота мысли, позволявшія проникать глубоко въ самую суть явленій и не пропускавшія мельчайшихъ деталей,

ускользавшихъ отъ вниманія другихъ изслѣдователей. Въ отличіе отъ многихъ представителей западной науки онъ никогда не впадалъ въ преувеличенія въ пользованіи такъ называемой аналогіей при объясненіи явленій въ области исторіи звуковъ, а всякій, кто знакомъ съ исторіей сравнительной грамматики, хорошо знаетъ, къ какимъ невѣроятнымъ аналогіямъ нерѣдко прибѣгали въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Отъ такихъ увлеченій предохраняло Ф Θ его глубокое проникновеніе въ суть изслѣдуемыхъ фактовъ и отличныя филологическія знанія въ области отдѣльныхъ языковъ. Его обширныя познанія въ логикѣ, психологіи и исторіи философіи и его самостоятельное отношеніе къ проблемамъ этихъ дисциплинъ ярко сказывались на общихъ курсахъ и на введеніяхъ къ курсамъ морфологіи, представлявшихъ въ наиболѣе полномъ изложеніи глубокія и тщательно продуманныя монографіи

Высоко цѣня свое званіе профессора и предъявляя къ себѣ чрезвычайно строгія требованія, Ф Θ самымъ тщательнымъ образомъ готовился къ лекціямъ и обрабатывалъ свои курсы постоянно заново Даже рядовыя лекціи на темы, которыя излагались имъ многократно, онъ обдумывалъ каждый разъ отдѣльно, подвергая критической провѣркѣ и взвѣшивая каждую мелочь. Точность въ формулировкѣ въ связи съ отсутствіемъ всего лишняго, случайнаго дѣлали его лекціи очень компактными и содержательными при сравнительно небольшомъ внѣшнемъ объемѣ, такъ какъ говорилъ онъ довольно медленно, такъ что при нѣкоторомъ навыкѣ и условныхъ сокращеніяхъ за нимъ можно было записывать даже вполнѣ дословно Передъ нимъ лежали на каѳедрѣ нечистыя тетради въ четверку изъ бѣлой бумаги, содержавшія текстъ лекцій, набросанный карандашемъ, при чемъ слова не писались вполнѣ, намѣчаясь лишь двумя—тремя начальными буквами, но онъ до такой степени тщательно обдумывалъ и содержаніе, и самую форму, что эти наброски, изготовлявшіеся вообще каждый разъ или совсѣмъ заново, или

представлявшіе исправленныя прежнія записки, что̀ бывало въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, служили вообще лишь опорою для памяти; это знаютъ всѣ непосредственные его слушатели, доказывается это и тѣмъ, что въ этихъ тетрадяхъ многія предложенія были лишь намѣчены начальными словами.

Въ чтеніяхъ Ф. Ѳ никогда не было погони за внѣшними эффектами: онъ и высказывалъ неоднократно мнѣніе, что содержаніе должно говорить за себя, внѣшними же пріемами нельзя скрыть, по крайней мѣрѣ—надолго, незначительности содержанія Его неторопливая рѣчь, въ которой каждое слово стояло на своемъ мѣстѣ, въ которой не было досадныхъ для слушателя заминокъ и поправокъ, въ высокой мѣрѣ гармонировала съ стройностью и точностью самой мысли. Глубоко западали эти лекціи въ умы внимательныхъ слушателей, и даже та часть обязательной аудиторіи, которая состояла изъ студентовъ, мало или вовсе не интересовавшихся языковѣдѣніемъ, ясно сознавала, что видитъ передъ собою не заурядnаго профессора, а въ высокой мѣрѣ авторитетнаго и самостоятельнаго изслѣдователя.

Глубокое уваженіе внушалъ Ф. Ѳ. къ себѣ и своей наукѣ и тѣмъ, что самъ съ глубокимъ уваженіемъ относился къ университетской каѳедрѣ и аудиторіи. Какъ уже было сказано выше, онъ самымъ тщательнымъ образомъ готовился къ каждому разу и по всему своему складу не могъ явиться передъ слушателями безъ надлежащей подготовки. Мнѣ живо припоминается то огромное впечатлѣніе, какое произвело однажды его заявленіе, что онъ второго часа читать не будетъ, такъ какъ онъ не успѣлъ подготовиться по случаю срочной работы, вызванной докторскимъ диспутомъ Г. К. Ульянова, на которомъ онъ выступалъ главнымъ оппонентомъ. Въ связи съ отмѣченной чертой находится и другая его особенность если ему случалось послѣ лекціи остаться чѣмъ-нибудь недовольнымъ въ своемъ изложеніи, онъ въ слѣдующій разъ прямо и совершенно просто заявлялъ, что онъ недоволенъ чѣмъ-то и соотвѣтственную часть лекціи изложитъ вновь въ новой

редакціи. Бывало это, понятно, рѣдко (я за все время, которое провелъ въ его аудиторіи, помню только два такихъ случая). Никогда не затушевывалъ Ф. Ѳ. неясности въ той или другой постановкѣ вопроса, никогда не скрывалъ отъ слушателей своихъ сомнѣній и тщательно отмѣчалъ неполноту даннаго состоянія изслѣдованія или недостаточность самого фактическаго матеріала Все это дѣйствовало крайне благотворно на аудиторію, внушало и ей уваженіе къ самой себѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ будило молодую мысль, направляя ее на путь самостоятельной работы.

Будучи прекраснымъ знатокомъ лингвистической литературы и слѣдя внимательно за всѣми новыми научными пріобрѣтеніями, Ф. Ѳ. былъ глубоко оригинальнымъ изслѣдователемъ, во многихъ отношеніяхъ далеко опережавшимъ современное ему состояніе языкознанія на родинѣ этого послѣдняго Нѣкоторые конкретные примѣры приведены мною уже въ некрологѣ, помѣщенномъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. (1914 г., декабрь); изъ нихъ мы видимъ, что своевременное опубликованіе Ф. Ѳ. его открытій не разъ сократило бы ходъ западной научной работы. Его курсы, постоянно имъ перерабатывавшіеся и вѣрно отражавшіе движеніе его мысли, неуклонно стремившейся впередъ, были драгоцѣнной школой не только для приступавшихъ къ занятіямъ лингвистикой, но и для многихъ магистрантовъ и для сложившихся уже ученыхъ, которые пріѣзжали въ Москву изъ другихъ университетскихъ городовъ и изъ-за границы для того, чтобы слушать лекціи Ф Ѳ. Сопоставивъ съ этимъ его поразительную скромность и его отношеніе къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ и къ аудиторіи, о которомъ я говорилъ выше, мы поймемъ, какую притягательную силу должны были имѣть его чтенія для всѣхъ, кто приходилъ къ нему учиться.

Среди сложныхъ обязанностей профессора видное мѣсто занимаетъ работа по подготовкѣ молодыхъ ученыхъ. Ф. Ѳ. былъ незамѣнимымъ руководителемъ для оставленныхъ при

университетѣ Совершенно чуждый научнаго тщеславія и эгоизма, онъ, съ одной стороны, не только не подавлялъ своимъ авторитетомъ самостоятельности своихъ учениковъ, всячески привѣтствуя и поощряя малѣйшія ея проявленія, но наоборотъ самъ всегда готовъ былъ учиться вмѣстѣ съ ними, становясь лицомъ къ лицу или съ новыми фактами, или провѣряя и вновь обсуждая въ живой бесѣдѣ уже продуманныя имъ раньше мысли; съ другой стороны, онъ не щадилъ себя и своего времени, охотно отдавая себя въ распоряженіе приходившихъ къ нему для научнаго общенія. Въ періодъ подготовки къ устнымъ испытаніямъ на званіе магистра онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ работы своихъ учениковъ, бережно относясь къ ихъ индивидуальнымъ особенностямъ и давая имъ полный просторъ въ томъ случаѣ, если работа шла правильно Обыкновенно мы сами сообщали ему, надъ чѣмъ въ данное время работаемъ, что̀ узнали новаго, надъ чѣмъ остановились въ размышленіи, и тутъ начиналась живая бесѣда, которая не разъ открывала намъ новые горизонты и новыя перспективы Своими книгами онъ дѣлился такъ же охотно, какъ и своими знаніями, и его хорошо подобранное собраніе было нашею рабочею библіотекою.

Выступая оппонентомъ на ученыхъ диспутахъ, Ф Ѳ. не ограничивался офиціальными обязанностями. Свою роль и въ данномъ случаѣ онъ понималъ очень глубоко. Его письменные отзывы были всегда содержательны и полны научнаго значенія, и устныя возраженія на самомъ диспутѣ свидѣтельствовали о той громадной работѣ, которую онъ продѣлывалъ надъ темою диссертаціи Не касаясь второстепенныхъ деталей, онъ подвергалъ въ нихъ подробному и тщательному анализу все существенное, давая не разъ новое освѣщеніе собраннымъ диспутантомъ фактамъ. Съ особымъ удовольствіемъ онъ отмѣчалъ въ трудахъ своихъ учениковъ то, что было въ нихъ новаго для него самого, то, въ чемъ они съ нимъ не соглашались. Съ свойственною ему мяг-

костью и деликатностью. но въ то же время безъ какого-бы то ни было стѣсненія онъ прямо и откровенно указывалъ также на недостатки разбираемой диссертаціи. Для лингвистическихъ и филологическихъ круговъ Москвы диспутъ, въ которомъ участвовалъ Ф. Ѳ, былъ важнымъ событіемъ, и съ такого диспута мы уходили и съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія, и съ новыми запасами знаній. Въ такой обстановкѣ публичная защита диссертаціи является не только дѣломъ, удовлетворяющимъ формальнымъ требованіямъ устава, но и важнымъ актомъ высокаго научнаго значенія Вотъ почему Ф Ѳ. всегда горячо отстаивалъ необходимость сохраненія публичныхъ диспутовъ противъ немногочисленныхъ, впрочемъ, защитниковъ того порядка, при которомъ диссертація печатается, а затѣмъ только рецензируется официальными рецензентами. На моей памяти (1888 г.—1902 г.) прошли диспуты *): Г. К Ульянова (магистерскій 1889 г. и докторскій 1891 г.), А. И. Томсона (докторскій 1891 г.), А. А Шахматова (магистерскій съ присужденіемъ степени доктора 1894 г.), М. М Покровскаго (магистерскій 1896 г. и докторскій 1899 г.), В Н Щепкина (магистерскій 1899 г.) и мой собственный магистерскій 1901 г Изъ бывшихъ до меня диспутовъ мнѣ извѣстно официальное участіе Ф. Ѳ въ слѣдующихъ: магистерскомъ диспутѣ Вс. Ѳ. Миллера въ 1877 г („Очерки арійской миѳологіи") и его же докторскомъ въ 1883 г. („Осетинскіе этюды, ч I и II"), на которомъ Ф Ѳ сдѣлалъ рядъ цѣнныхъ и важныхъ замѣчаній, давшихъ матеріалъ для дополненій въ III ч. „Осе-

*) Диссертаціи: Г. К. Ульянова—„Основы настоящаго времени въ старославянскомъ и литовскомъ языкахъ", „Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. I часть"; А. И Томсона—„Историческая грамматика современнаго армянскаго языка города Тифлиса"; А. А Шахматова—„Изслѣдованія въ области русской фонетики", М. М. Покровскаго—„Семасіологическія изслѣдованія въ области древнихъ языковъ", „Матеріалы для исторической грамматики латинскаго языка"; В. Н. Щепкина—„Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги"; В. К. Поржезинскаго—„Къ исторіи формъ спряженія въ балтійскихъ языкахъ".

тинскихъ этюдовъ", докторскомъ диспутѣ Ѳ Е. Корша въ 1877 г („Способы относительнаго подчиненія") и магистерскомъ диспутѣ А И Соболевскаго въ 1882 г („Изслѣдованія въ области русской грамматики")

Вліяніе Ф Ѳ не ограничивалось стѣнами его университетской аудиторіи оно широко захватило и другіе университетскіе центры въ Россіи и за границей Съ одной стороны, его научные труды и вѣсти объ его лекціяхъ быстро создали ему славу выдающагося учителя и изслѣдователя, а, съ другой стороны, его широкая доступность для всѣхъ, приходившихъ къ нему съ научными запросами, облегчала непосредственное съ нимъ общеніе. Его „четверги" были крупнымъ центромъ, гдѣ сходились и начинающіе лингвисты, и молодые ученые, и уже вполнѣ сложившіяся научныя силы На этихъ вечернихъ собраніяхъ бывали товарищи и друзья гостепріимнаго хозяина: неизмѣннымъ посѣтителемъ былъ и его братъ Степанъ Ѳедоровичъ. Въ скромной квартирѣ Ф Ѳ сама собою сорганизовалась какъ бы академія языкознанія; на четверговыхъ собраніяхъ рѣчь шла о всѣхъ выдающихся новинкахъ научной литературы, поднимались иногда очень сложные вопросы, сообщались новые матеріалы. Оживленію бесѣды неизмѣнно много способствовалъ Ѳ. Е Коршъ, котораго объединяли съ Ф. Ѳ общіе научные интересы, и съ которымъ онъ съ самаго начала знакомства былъ въ постоянномъ обмѣнѣ мыслями и наблюденіями по поводу самыхъ разнообразныхъ лингвистическихъ вопросовъ На упомянутыхъ мною собраніяхъ молодые ученики Ф. Ѳ. завершали и дополняли свое научное образованіе, но благотворное вліяніе ихъ учителя шло дальше и глубже Постоянное общеніе съ нимъ раскрывало высокія качества его сердца, и тѣ, кто довѣрчиво приближался къ нему, чтутъ его не только какъ незамѣнимаго руководителя въ научной работѣ, но и какъ рѣдкаго по своимъ душевнымъ качествамъ безконечно дорогого и близкаго человѣка. Ближайшіе его ученики шли къ нему за совѣтомъ въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ

жизни, повѣряли ему всѣ свои житейскія нужды и сомнѣнія, и всѣ хорошо знали, что судъ его неподкупенъ, что все нечестное вызываетъ у него нелицепріятное осужденіе. Благотворно было вліяніе Ф. Ѳ. и въ болѣе общихъ вопросахъ: хотя онъ и былъ далекъ отъ широкой общественной дѣятельности, тѣмъ не менѣе было бы ошибочнымъ мнѣніе, что онъ относился безразлично къ ея нуждамъ и потребностямъ: въ лицѣ его мы имѣли убѣжденнаго сторонника идеаловъ великой эпохи реформъ, и ближайшіе ученики хорошо знаютъ, какъ страдало его чуткое сердце отъ впечатлѣній дѣйствительности въ тяжелые моменты, переживавшіеся русскимъ обществомъ. По всему своему складу онъ былъ, однако, оптимистомъ и вѣрилъ въ конечную побѣду идеи прогресса.

Въ рѣдкой цѣльности натуры Ф Ѳ. и рѣдкой гармоніи его высокихъ умственныхъ дарованій и выдающихся качествъ сердца лежитъ разгадка того вліянія, какое онъ оказывалъ на всѣхъ, кто къ нему приближался, а также того, что онъ сорганизовалъ большую лингвистическую школу и пріобрѣлъ большое количество преданныхъ учениковъ. Многія сотни преподавателей, вышедшихъ изъ московскаго университета, испытали точно такіе на себѣ его вліяніе въ той или иной степени и съ благодарностью вспоминаютъ имя профессора, бывшаго въ ихъ студенческіе годы украшеніемъ и гордостью московской каѳедры

Велики заслуги Филиппа Ѳедоровича передъ наукой и роднымъ университетомъ, глубокъ слѣдъ, оставленный имъ въ ихъ лѣтописяхъ, но, къ сожалѣнію, онъ ушелъ отъ насъ еще въ полномъ расцвѣтѣ духовныхъ силъ, далеко не исчерпавъ богатыхъ запасовъ своихъ дарованій и мысли. Глубокою болью отозвалась въ преданныхъ ему сердцахъ вѣсть о внезапной его кончинѣ, наступившей въ 3 ч. утра 20-го сентября 1914 года въ д Косолмѣ Тутъ же на деревенскомъ кладбищѣ изготовили для него могилу, гдѣ онъ и покоится среди красотъ природы любимаго уголка и среди преданнаго ему населенія Вѣрнымъ стражемъ дорогой могилы осталась

его жена Юлія Ивановна, въ теченіе 27 лѣтъ бывшая спутницей его жизни, согрѣтой нѣжною взаимною любовью.

Приложеніе 1.

Извлеченіе изъ записки М М. Покровскаго, представленной въ Историко-Филологическій факультетъ 25-го сентября 1902 г.

„Текущимъ лѣтомъ исполнилось тридцатилѣтіе университетской службы одного изъ самыхъ выдающихся дѣятелей Историко-Филологическаго факультета, профессора по каѳедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и ординарнаго академика Филиппа Ѳедоровича Фортунатова.

Эта дѣятельность заслуживаетъ особаго вниманія Совѣта нашего университета, отчасти уже потому, что нѣкоторыя существенныя ея стороны, въ виду чрезвычайной скромности юбиляра, не всѣмъ извѣстны

Лингвистическіе интересы, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ отдѣльнымъ языкамъ, проявлялись въ нашемъ университетѣ и до Ф. Ѳ Фортунатова: такъ можно назвать Буслаева, Дювернуа, Корша, питавшаго еще съ молодыхъ лѣтъ большую склонность къ этой области знаній; но именно Фортунатовъ первый началъ систематически изучать эту науку и первый создалъ въ Москвѣ ея систематическое преподаваніе, которое навсегда останется образцомъ не только для остальныхъ русскихъ университетовъ, но отчасти и для университетовъ Западной Европы.

(Послѣ характеристики нѣкоторыхъ ученыхъ работъ Ф Ѳ говорится далѣе): Не менѣе важна другая, нѣсколько скрытая отъ посторонихъ свидѣтелей, черта дѣятельности Ф. Ѳ. Именно онъ является вдохновителемъ и отчасти какъ бы сотрудникомъ большинства наиболѣе цѣнныхъ русскихъ трудовъ по общей и частной лингвистикѣ, нашедшихъ себѣ полное признаніе и уваженіе за-границей... Творецъ многихъ капитальныхъ теорій, Ф. Ѳ. былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ

изъ главныхъ создателей русской научной литературы по сравнительному языковѣдѣнію, и выраженіе „Фортунатовская школа“ стало ходячимъ не только у насъ, но и на Западѣ Вообще Фортунатовъ съ неподражаемымъ искусствомъ умѣлъ учить и направлять своихъ учениковъ и сторонниковъ рѣшительно во всѣхъ отрасляхъ лингвистики. При этомъ во всемъ, что онъ писалъ въ своихъ работахъ, во всемъ, что онъ читалъ въ своихъ курсахъ, во всемъ, что онъ говорилъ въ частныхъ бесѣдахъ, онъ поражалъ своихъ слушателей, въ частности иностранныхъ, не только самобытностью и самостоятельностью сужденія, но также исключительнымъ знаніемъ соотвѣтствующей научной литературы.

Занимая одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ лингвистовъ всѣхъ странъ, Ф. Ѳ вмѣстѣ съ тѣмъ истинно-національный ученый: одной изъ самыхъ любимыхъ областей лингвистики, для разработки которой онъ очень много сдѣлалъ, является для него сложная область литовско-славянскихъ языковъ, въ частности русскаго... Къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ Ф. Ѳ. относился чрезвычайно строго и до самаго послѣдняго времени тщательно перерабатывалъ изъ года въ годъ свои курсы, внося въ нихъ и новый матеріалъ, и новыя теоріи какъ чужія, такъ особенно свои.. Крупный творческій и вмѣстѣ съ тѣмъ критическій талантъ, далѣе полнота и разносторонность преподаванія въ связи съ строго объективнымъ, истинно-философскимъ отношеніемъ къ научной истинѣ, а также въ соединеніи съ чрезвычайной простотой и привѣтливостью этого на первый взглядъ ушедшаго въ себя, молчаливаго профессора, все это привлекало къ нему очень много учениковъ и сторонниковъ изъ разныхъ странъ .. Вообще и аудиторія, и квартира Ф. Ѳ. были однимъ изъ видныхъ центровъ для пріѣзжихъ и иностранныхъ ученыхъ, интересовавшихся въ томъ или другомъ отношеніи Россіей Ф. Ѳ. исполнялъ такимъ образомъ благодарнѣйшую и плодотворную культурную миссію сближенія Россіи съ Западомъ, и въ его лицѣ иностранные гости привыкали любить Россію

и ея языкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проникались глубокимъ уваженіемъ и къ русской наукѣ, и къ Московскому университету. Какъ ни безшумна была плодотворная дѣятельность Фортунатова, но она не могла остаться незамѣченной для ученаго міра И русскіе, и иностранные филологи и лингвисты давно признаютъ его въ числѣ столповъ сравнительнаго языковѣдѣнія .. Теперь, когда этотъ доблестный ученый и дѣятель, по окончаніи службы въ нашемъ университетѣ, переходитъ въ С-Петербургъ, въ Академію Наукъ, вполнѣ своевременно и умѣстно избраніемъ его въ почетные члены оцѣнить по достоинству его великія заслуги передъ наукой и передъ роднымъ университетомъ".

Приложеніе II.

Матеріалы для библіографіи о Ф. Ѳ. Фортунатовѣ.

I) Статьи и замѣтки біографическаго и общаго содержанія, появившіяся при жизни Ф Ѳ. Фортунатова

a) статья С. Б(ули)ча въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона подъ рубрикою: Фортунатовъ (Филиппъ Ѳедоровичъ), полутомъ 71, стр. 322—323, болѣе краткія статьи (несамостоятельныя) въ Большой Энциклопедіи и въ Словарѣ Граната подъ соотвѣтственной рубрикой;

b) статья С. Бѫлича тамъ же, полутомъ 55 (отдѣлъ „Россія"), о „Русскомъ языкѣ и языкознаніи" въ отдѣлѣ „Исторія наукъ", на стр. 831 сл. содержитъ характеристику московской лингвистической школы;

c) „Записка объ ученыхъ трудахъ Ф. Ѳ Фортунатова" (1898 г.) за подписями А Бычкова и А. Шахматова (Сборникъ Отдѣл. русск. яз. и словесности И. А. Н., т. LXVII);

d) предисловіе къ посвященной Ф Ѳ Фортунатову книгѣ F. Solmsen, „Untersuchungen zur griechischen Laut—und Verslehre“, Strassburg, 1901

e) краткая біографія и списокъ трудовъ, основанные на собственныхъ показаніяхъ Ф. Ѳ, въ „Словарѣ членовъ Общества любителей россійской словесности“, М. 1911, стр 298—299:

f) краткія характеристики значенія Ф. Ѳ. Фортунатова содержатъ изданныя мною: 1) „Краткое пособіе по исторической грамматикѣ русскаго языка“, М. 1911, стр. 27 (готовится новое изданіе), 2) „Введеніе въ языковѣдѣніе“, 3-е изд., М 1913, стр. 31 сл., то же и въ нѣмецкомъ переводѣ „Einleitung in die Sprachwissenschaft“, 1910, стр 38

g) официальныя данныя (краткія) о службѣ Ф. Ѳ. Фортунатова въ Отчетахъ Московскаго университета, въ „Спискѣ членовъ Императорской Академіи Наукъ“, составленномъ Б А Модзалевскимъ въ 1908 г., и въ Памятныхъ книжкахъ той же Академіи.

h) описаніе юбилея Ф. Ѳ Фортунатова 21-го октября 1902 г въ „С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, № 290 отъ 23-го октября 1902 г. (Э А. Вольтера); дословное воспроизведеніе рѣчи М. М Покровскаго въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 28-го октября 1902 г., № 298: мелкія хроникерскія замѣтки въ другихъ газетахъ (частью неточныя) опускаю.

II) Статьи и замѣтки по случаю кончины Ф. Ѳ. Фортунатова.

a) „Русскія Вѣдомости“ отъ 22-го сентября 1914 г. (телеграмма о кончинѣ Ф Ѳ Фортунатова; некрологъ, составленный Вячеславомъ Щепкинымъ);

b) тамъ же отъ 23-го сентября: статья В. Поржезинскаго „Памяти Ф. Ѳ. Фортунатова“; хроникерская замѣтка о по-

становленіяхъ правленія у-та и историко-филологич. факультета о замѣнѣ вѣнковъ ассигнованіями на лазаретъ[1]);

c) тамъ же отъ 24-го сентября статья Михаила Покровскаго „Памяти Филиппа Ѳедоровича Фортунатова“:

d) тамъ же отъ 27-го сентября: замѣтка о заупокойной литургіи и панихидѣ въ университетской церкви 26-го сентября;

e) тамъ же отъ 5-го октября: замѣтка о засѣданіи Академіи Наукъ, на которомъ заслушано сообщеніе А. А. Шахматова, посвященное памяти Ф. Ѳ Фортунатова;

f) „Русское Слово“ отъ 23-го сентября: статья „Академикъ Ф. Ѳ Фортунатовъ“ (съ очень странной характеристикой: „примѣнялъ свой собственный методъ, совершенно отличный отъ того, котораго придерживались до того времени всѣ ученые, слѣдовавшіе нѣмецкой школѣ“);

g) „Раннее Утро“ отъ 23-го сентября: хроникерская замѣтка „Памяти Ф Ѳ. Фортунатова“ съ портретомъ, воспроизводящимъ любительскій снимокъ;

h) „Московскія Вѣдомости“ отъ 24-го сентября: некрологъ, подписанный Д.

i) „Рѣчь“ отъ 22-го сентября: статья „Акад. Ф. Ѳ. Фортунатовъ“;

j) тамъ же отъ 23-го сентября: портретъ и хроникерская замѣтка объ отъѣздѣ на похороны А. А. Шахматова, панихидѣ и предполагаемомъ засѣданіи Академіи наукъ;

k) тамъ же отъ 24-го сентября статья „Ф. Ѳ Фортунатовъ“ (некрологъ); см. также „Историческій Вѣстникъ“ (ноябрь);

l) хроникерскія замѣтки о панихидѣ въ „Рѣчи“ отъ 25-го сентября и „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ того же числа.

m) въ „Новомъ Времени“ отъ 23-го сентября: некрологъ;

n) въ „Южномъ Краѣ“ (Харьковъ) отъ 24-го сентября некрологъ, написанный проф. С. М. Кульбакинымъ;

---

[1]) Замѣтка о томъ же въ „Голосѣ Москвы“ отъ 23-го сентября

o) статья „Памяти Ф. Ѳ Фортунатова“ въ № 257 отъ 22-го сентября газеты „День“, подписанная П. Щ.;

p) въ „Одесскомъ Листкѣ“ отъ 6-го октября: „Памяти Ф. Ѳ. Фортунатова“, статья проф Б. Ляпунова съ библіографіей и спискомъ учениковъ Ф. Ѳ.; приложенный портретъ неудаченъ;

q) въ „Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ“ 1914 г., № 14: некрологъ „Филиппъ Ѳедоровичъ Фортунатовъ“, написанный А А. Шахматовымъ, съ прекрасно исполненнымъ портретомъ (на отдѣльномъ листѣ) и спискомъ печатныхъ трудовъ;

r) въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“, №№ 3 и 4 1914 г. (LXXII т.): некрологъ Ф. Ѳ. Фортунатова, составленный В Н Щепкинымъ;

s) въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1914 г. (декабрь): некрологъ съ спискомъ печатныхъ трудовъ, составленный В. Поржезинскимъ;

t) некрологъ въ „Современномъ Словѣ“ (№ 2406), знаю только по ссылкѣ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (см. k.);

u) статья П. Лаврова „Памяти Ф. Ѳ. Фортунатова“ въ № 6—7 „Извѣстій О-ва Изученія Олонецкаго края“.

В Поржезинскій.